

Старуха и смерть

Быль ли это, или небылица, а жила на свете одна старуха. Она была старше самой старой заброшенной дороги, старше садовника, который рассадил деревья по земле.

Но хоть и старость пришла, а старуха эта никогда не думала о том, что может однажды наступить и ее черед — что к ней постучится смерть. День и ночь не разгибала она спины, по хозяйству хлопотала, убирала, стирала, шила, мыла. Такая она была неумная, на работу горячая и неугомонная.

Но однажды смерть вывела на дверях мелком и старухино имя и постучалась к старухе, чтобы забрать ее с собой. А старухе неумоготу было расставаться с хозяйством, и стала она смерть просить-умолять, чтобы еще сколько-нибудь не трогала, дала бы ей хоть немного, если уж не с десяток лет, то хотя бы годик пожить.

Смерть никак не соглашалась. А потом все-таки расщедрилась:

— Ладно уж, дам тебе три часа.

— Почему ж так мало? — взмолилась старуха. — Ты меня хоть нынче не трогай, завтра заberi с собой.

— И не проси! — сказала смерть.

— А все-таки!

— Никак нельзя.

— Да полно!

— Ладно, — сказала смерть. — Коли так просишь, пусть будет по-твоему.

Старуха обрадовалась, но виду не подает и говорит: напиши на дверях, что до завтра не придешь. Тогда, как увижу твою руку на двери, спокойнее буду.

Надоели смерти старухины причуды, да и времени не хотелось зря терять.

Вытащила она мелок из кармана да на дверях им написала: — «Завтра».

И пошла по своим делам.

На другое утро, как только взошло солнце, пришла смерть к старухе, а та на перине лежит, другой периной накрылась.

— Ну, пойдём со мной, — сказала смерть.

— Да что ты, голубушка! — отвечает старуха. — Погляди-ка, что на дверях написано.

Смерть заглянула, а там ее рукою мелом выведено: «Завтра».

— Ладно, завтра приду, — сказала смерть и поплелась дальше.

Слово свое она сдержала и на следующий день опять пришла к старухе.

Та в это время еще потягивалась, на кровати лежа. Но и теперь, как и вчера, смерть ничего не добила. Старуха снова указала ей на дверь, где рукою

смерти было мелом выведено: «Завтра».

Так и пошло каждый день, день за днем — неделя. На седьмой день смерть сказала старухе так:

— Ладно, больше ты меня не проведешь.

И стерла слово с дверей.

— Завтра, — погрозились старухе смерть, — запомни хорошенько. Что бы ни было, я приду и заберу тебя с собой.

Ушла смерть, а старуху даже оторопь взяла — дрожит, как студень, поняла — хочешь не хочешь, а умереть придется.

Сидит старуха, а все же не унывает. Думает и никак не придумает, куда бы ей от смерти спрятаться.

— Не может быть, — говорит старуха сама себе, — чтобы живой человек — и не придумал что-нибудь.

Настало утро, а старуха ничего не придумала. В бутылку готова была даже залезть, вот до чего ей умирать не хотелось.

Гадала старуха, гадала, куда бы ей спрятаться получше, и наконец придумала. Стояла у нее в кладовке бочка с молодым медом. «Здесь меня смерть не найдет», — решила старуха.

Она села в бочку с медом, да так, что только глаза, нос и рот снаружи были.

Посидела она, снова забеспокоилась: «А вдруг смерть меня и здесь найдет! Дай-ка я получше схоронюсь. Залезу в перину».

Так и сделала. Затаилась, сидит, не дышит. Вдруг снова забеспокоилась: беспокойная была старуха!

Думает: «А вдруг и здесь меня смерть найдет?!» Решила старуха поуक्रमнее уголок найти, где бы спрятаться.

Вылезла она из перины. Только стала прикидывать, куда бы скрыться, а в это время в комнату смерть вошла. И видит: стоит перед ней чудище страшное, все в перьях, и перья эти дыбом торчат и трясутся.

Испугалась смерть, так испугалась, что в страхе убежала прочь из старухино дома; кто его знает, может быть, и до сих пор не приходила за старухой.